

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

Дом Мещерского

Мы уже вкратце упоминали о нем выше, когда говорили о «Старой таможне» в доме барона Рефенштейна. Камер-юнкер князь *Петр Сергеевич Мещерский* окончил застройку места, отведенного ему инженерной командой «над морским обрывом», в июле 1806 года. Ясно, что отвод произведен не позже 1803-го, ибо далее отводы производились уже Одесским строительным комитетом. В прошении о выдаче владельческих документов Мещерский сообщает о плановой постройке двухэтажного магазина габаритами 20 на 5,5 сажений, сарая и конюшен, 10 на 5 сажений, дома с погребом, 10 на 7,5 сажений.⁵⁵⁴ Сопоставление генпланов свидетельствует: застройка соответствует местоположению нынешнего Литературного музея.

В.А. Чарнецкий ошибался, когда говорил о том, что таможня в доме Мещерского размещалась на правах аренды с 1812-го.⁵⁵⁵ Это произошло значительно раньше, не позднее 25 сентября 1808-го, ибо 4 марта 1809-го Строительный комитет субсидировал арендную плату, 750 рублей, за полгода, с 25 сентября 1808-го по 25 марта 1809-го.⁵⁵⁶ В дальнейшем аренда продлевалась, деньги выплачивались.⁵⁵⁷

В 1811-м герцог Ришелье сообщил министру финансов о том, что Мещерский готов продать эту свою недвижимость за 50.000 рублей. «Положение сего дома самое выгодное: в лучшей части города, близ моря и при главной дороге, идущей от пристани;

* Продолжение. Начало в кн. 64, 66-71.

Начало 1820-х. Слева – Городской театр, правее – дом Мещерского и флигеля Черновой

корпус имеет в длину 10-ть, а в ширину 7 сажен, в три этажа, при нем двухэтажный флигель с двумя сводами, погребами и магазин в двух частях; все сие строение сделано из штучного восьмивершкового камня на извести самым прочным образом... И в 1809-м году оценен чрез присяжных оценщиков в 57.709 рублей, а после того сделана каменная ограда и другие пристройки, стоящие до 5.000 рублей». От себя прибавлю, дом Мещерского – *первый трехэтажный дом* в юной Одессе.

Дело затормозилось из-за войны. В 1816-м граф Ланжерон вернулся к этому вопросу, подтверждая мнение своего блистательного предшественника: «Дом князя Мещерского в том самом виде, в каком он есть, по вновь составленной описи и смете, ценится более 66 тыс. рублей, и что если князь Мещерский согласится уступить казне дом за сию сумму, то за такую умеренную цену едва ли можно приобрести столь прочный и выгодно расположенный дом в Одессе. Князь Мещерский уступил дом свой казне за прежде просимую им цену 50 тыс. рублей с тем, чтобы издержки при совершении крепости употреблены были из казны».

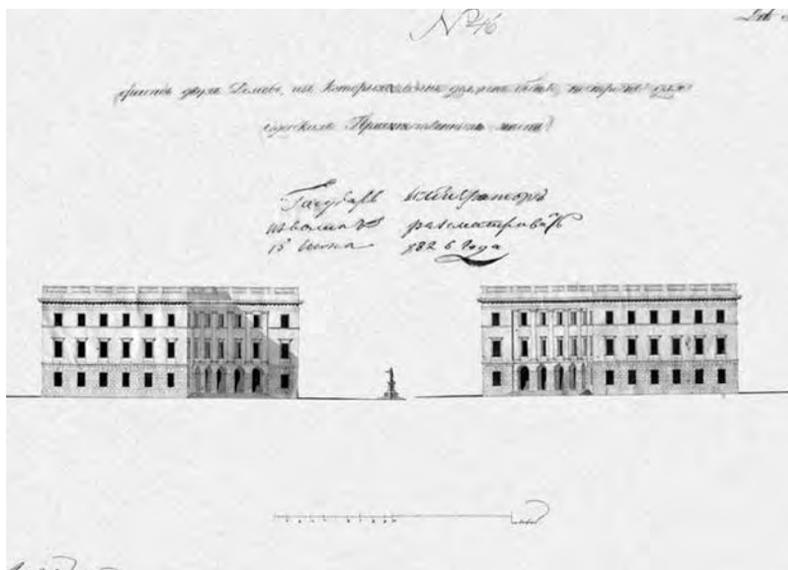
Министр финансов согласился с Ланжероном в том, что это нужно и выгодно, и 12 марта 1817 вошел с предложением в Кабинет гг. министров. 17 марта утвердил решение кабинета, а 14 мая Ланжерон получил соответствующее уведомление, и началась техническая часть производства оплаты и передачи.⁵⁵⁸

Для нас важно вот что: а) таможня помещалась в доме Мещерского до 1827 года; б) мы располагаем исчерпывающей информацией о характере этой недвижимости и даже о внешнем облике – сохранилась ретроспективная иконография. То есть тут очень даже зримый объект пушкинского времени, причем близкий к месту «постоянной прописки» Поэта. К слову, то же можно сказать и о флигелях Черновой, соседствующих с домом Мещерского на старых картинках. Иконография того и другого объекта открывается рисунком Ж.В. Гаюи с натуры (1819-1820 гг.) и относительно многочисленна.

Еще один момент. Слева от дома Мещерского, на подошве Ланжероновского спуска, в 1822-м построен большой таможенный пакгауз, сохранившийся по сегодняшний день: позднее надстроен вторым этажом.

Приморский бульвар

В пушкинское время пребывал в зачаточном состоянии. Бульвар задумывался задолго до того, как этот замысел стал понемногу воплощаться: еще Н.Я. Трегубов, комментируя «Письма об Одессе» Шарля Сикара (см. ниже), пишет о настоятельной необходимости создания «на горе» над морем «гулянья, усаженного деревьями, с убитыми (утрамбованными. – О. Г.) дорожками». Однако осуществление проекта долго тормозилось наличием здесь «военного городка»: «малой крепости», солдатских казарм, пекарни, офицерских флигелей, лазарета, полковой аптеки, недостроенной Адмиралтейской (Екатерининской) церкви и прочего, вплоть до «нужных мест». Это продолжалось до тех пор, пока казармы и другие строения были постепенно проданы на своз. Осложнения дополнялись присутствием на флангах двух значительных частных построек – Куликовского (Воронцова) и Россета (Черновой).

Автограф императора на проекте полуциркульных зданий

Вот фрагмент соответствующего директивного документа от 10 мая 1821: «Господин градоначальник объявил Комитету, что солдатские три казармы под морем близ Театра и две офицерские крайние к Театру (то есть не все еще существовавшие. – О. Г.) по повелению херсонского военного губернатора очищены, дабы можно было приступить к сломке их, и привести квартал сей в образование по вновь утвержденному плану. (...) Фундамент же в сем квартале заложенной церкви, яко по сему же плану уничтоженной, разобрать и камень употребить по строениям, инженер-полковником Потье производимым, и перевозить на то место, где им назначено будет; что и поручить произвести в действие членам Комитета г-ну инженер-подполковнику Кругу чрез комиссаров Комитета Брио и Бертини, дабы один смотрел за разобраньем и отпуском камня, а другой принимал, возил и сдавал в ведение производителя работ, а квитанции представлял в Комитет при рапорте г-на подполковника».⁵⁵⁹

Приморская часть города после постройки Бульварной лестницы

Вот так я закрыл долго мучивший меня вопрос о том, на что пошел камень от разборки *Екатерининского храма*. Все просто: на казенные строения и работы по благоустройству, скажем, штучковый камень – на устройство дренажных сооружений по Карантинной балке. Другая часть материала, а именно плитчатый, т. н. звонкий известняк-дикарь, использовалась И.И. Кругом для постройки собственного дома в будущем Воронцовском переулке. К этому сюжету мы еще вернемся.

Здесь уместно рассказать кое-что о *Николае Яковлевиче Трегубове* (1756-1845). Тайный советник, первый председатель Одесского коммерческого суда (с 1808-го), одесский градоначальник (1820-1822), сенатор (с 1830-го). Оставив Одессу, жил в Москве, где и похоронен. Состоял в военной службе (1772-1786), принимал героическое участие в боевых действиях против турок, был награжден золотой шпагой «За храбрость» и орденом Святого Владимира 3-й степени, позднее – высоким орденом Святой Анны 1-й степени, автор ряда крупных коммерческих проектов. Десять лет служил в Таганроге, в том числе директором казенной мужской гимназии (1806-1807) и главным попечителем купеческого судоходства по Азовскому морю (1807-1808).

Обязанности одесского градоначальника Трегубов принял в 1820 году в связи с разделением должности херсонского военного губернатора и одесского градоначальника, инициированным графом А.Ф. Ланжероном. Одновременно его из действительных статских советников произвели в тайные советники. Назначение это было вовсе не случайным, ибо как руководитель Коммерческого суда, как человек с широким кругозором и образованностью, Трегубов превосходно разбирался во всех тонкостях местной специфики. Кстати, именно в переводе и с обширными комментариями Николая Яковлевича вышла (1818) русскоязычная версия книги Шарля Сикара «Письма об Одессе» (1812), о которой говорилось выше.

Двухлетний период градоначальства Трегубова оказался весьма насыщен важными для Одессы событиями, как то: реформированием местного самоуправления, упорядочением городского бюджета, утверждением штата Одесского градоначальства, учреждением Врачебной управы, первой газеты, Ботанического сада, Инвалидной команды, планированием и первым обустройством Приморского бульвара и прилегающих кварталов, совершенствованием системы порто-франко, улучшением Сиротского дома и проч. Как куратор Строительного комитета Трегубов ввел немало новшеств, связанных с упорядочением городской застройки. Так, в 1820-1821 годах по его распоряжению городской архитектор Джованни Фраполли составил новый план города, на который были вынесены и вновь сформировавшиеся кварталы. При этом производилась ревизия недвижимости, выявлялось соответствие существующих построек владельческим документам, атрибуция домов и мест.

В первой декаде октября 1820 года градоначальник лично осмотрел Северную (Александровскую, Греческую) площадь и нашел, что не все лавки «имеют одинаковую архитектуру в карнизах и колоннаде; и на одной стороне оконечности дом с лавками и колоннадой, а по другой – просто дом без лавок и колоннады, и так далее разные разнообразности». А потому Трегубов велел военному инженеру Кругу и архитектору Фраполли «сообразить все с планом, и что несообразно с оным, немедленно все поправить». Наводя порядок на главных рынках, он распорядился снести все несанкционированно устроенные временные лавки.

Приморский бульвар в середине XIX ст.

К лету 1821 года относится и печальное событие: первый в Одессе еврейский погром. Поводом послужила доставка из Стамбула и торжественное захоронение в пределах греческой Свято-Троицкой церкви тела казненного турецкой администрацией константинопольского патриарха Григория V. Просочились слухи, будто тамошние евреи глумились над растерзанным телом праведника. По счастью, погром обошелся без жертв, существенных разрушений, и быстро угас. Среди подлинных причин конфликта называют торговую конкуренцию греческой и еврейской общин. Это представляется маловероятным для той эпохи: численность еврейских купцов 1-й гильдии, как и капиталы еврейского общества в целом на порядок ниже, чем греческого, и даже 10-15 лет спустя мы не видим еврейских фамилий в перечне главных экспортеров сельхозпродукции.

Трегубов одно время жил в доме (нынешний адрес – Дерибасовская, № 24), приобретенном в казну у Феликса де Рибаса (1806). Любопытно, что по этому поводу Джованни Фраполли специально расписал «живописью» комнаты верхнего этажа, где обитал градоначальник. После назначения Гурьева (1822) Трегубов съехал, и дом находился в ведении комитетского прораба Луки Бертини. Чуть позже в этом здании останавливался Воронцов – по приезду в Одессу летом 1823 года. Другой одесский адрес Трегубова – дом

помещика *Николая Куликовского*, но не тот, что приобретен Воронцовым в 1820 году, а другой, одноэтажный, местоположение которого пока не поддается точной атрибуции. Во всяком случае, он находился в центральной приморской части города.

Сын Трегубова, Алексей Николаевич, коллежский советник, служил инспектором Одесского центрального портового карантин, занимался благотворительностью, скончался еще довольно молодым человеком и погребен в Одессе (1838). «Образованный ум, прямой характер и неизменное усердие к службе всегда были (его. – О. Г.) отличительными качествами», – написали в «Одесском вестнике». Дочь, Варвара Николаевна (1793-1851), в замужестве Телесницкая, до кончины супруга жила в Одессе, впоследствии служила начальницей Кушниковского института в Керчи.⁵⁶⁰

Перейдем непосредственно к устройству бульвара. Целесообразнее начинать как раз не с домостроительства, а с освобождения строительной площадки и формирования зеленой зоны.

Ликвидация «военного городка»: демонтаж казарм, екатерининского храма, временной полковой церкви и др.

Сперва – красноречивый фрагмент записок князя И.М. Долгорукова, фиксирующий положение дел в июле 1810 года: «Другая церковь в городе предполагалась при начальном его основании во имя Св. Екатерины, но что же? Заложена, застроена до половины и брошена (...) Ныне вы тут найдете недостроенные стены открытого со всех сторон храма, которые разрушает и ветер тлетворный, и морские непогоды, и пуще еще пренебрежение чело- веков. Вокруг его всюду настроены казармы: там живут солдаты; жены их ходят выливать в развалины храма всю домашнюю нечистоту...».⁵⁶¹

Аукционная продажа строений бывшего «военного городка» активно развернулась еще в 1820-м. Скажем, в июле купец Яков Кленов за 651 рубль 35 копеек приобрел «старые казармы в *Малой крепости*»,⁵⁶² то есть в укреплении, располагавшемся

на кромке плато, примерно на месте нынешних № 1-7 по Приморскому бульвару. 19 августа Трегубов представил в Комитете предписание о продаже с публичного торга других объектов: «должно сломать прежде те казармы, что между старым укреплением, Театральной площадью и дорогою, в Карантин введущею, исключая *военной госпитали*». Ланжерон распорядился перевести госпиталь в офицерские флигеля, «и потому все уже казармы уничтожить; сверх того есть предположение уничтожить начатую церковь, но между тем пока последует о том окончательное утверждение, делать только опись и оценку материалу». Определили: «сделать опись всем казармам, кроме *офицерских флигелей*, где *инженерная казарма*» – через присяжных оценщиков оценить материалы от оных казарм. «То есть 4-х больших, 4-х малых и одной *одноэтажной, где полковая аптека*». «Равным образом сделать особую опись и оценку начатой постройки *церкви*». ⁵⁶³ Торги назначили на 6, 9 и 10 сентября 1820-го. ⁵⁶⁴

Следующий документ датируется 23 мая 1821 года: «Предложение господина градоначальника тайного советника и кавалера Николая Яковлевича Трегубова, в коем изъясняет, что в плане части города Одессы высочайше апробированном назначены к снятию казармы, при них небольшое здание, в коем была *временно полковая церковь*, и начатая постройка большой церкви. Сделав распоряжение на продажу с торгов в Комитете казарм, предлагает Комитету начатое строение церкви разобрать, записав материал с нее в приход; а вышесказанное небольшое здание продать вместе с казармами. Предварительно снести с духовною частью, чтобы они с своей стороны распорядились при разобрании церкви исполнить, что постановлено на таковые случаи. А по справке оказалось, что строение, в коем была прежде полковая церковь, в здешнюю полицию опись с оценкою казарм не вошло; заложенная же церковь оценена в 800 рублей. Определили: 1-е инженер-подполковнику Кругу поручить договорить рабочих, и под своим распоряжением и присмотром разобрать заложенную церковь; сложить с нее материал и о количестве оного, как и о расходе денег на разобрание оной, донести Комитету. Для исполнения по сему случаю порученностей употребить чиновника, в Комитете служащего, Бертини. По получении оного донесения доложить

для определения о записке материала в приход. 2-е между тем сообщить благочинному протоиерею Куницкому, чтобы он с своей стороны распорядился о исполнении правил, на таковые случаи постановленных. 3-е господину Кругу поручить сделать опись вышеобъясненному строению, в коем была церковь, положить оному оценку и донести Комитету; по получении донесения продать оное здание вместе с казармами». ⁵⁶⁵

В аукционном торге приняли участие довольно известные строительные подрядчики того периода: Монако, Росси, Томазини, Коклен, да еще дворянин Якубовский, у которого был другой интерес – он один из первых застройщиков территории бывшего «военного городка» в начале Екатерининской улицы, но этот сюжет мы рассмотрим по ходу дальнейшего маршрута. Предложенные участникам торгов цены Комитету показались недостаточными, ⁵⁶⁶ а потому он обратился в Ремесленную управу – с тем чтобы та вызвала на разборку казарм рабочих людей. ⁵⁶⁷ По той же схеме решили разобрать и недостроенный Екатерининский храм, что и было сделано. Анализируя ситуацию, прорабы определили, что есть смысл разбирать построенную до карниза церковь, не касаясь фундамента: в противном случае материал от его разборки («дикий камень, залитый известью») не компенсировал бы затрат. Что касается материалов от разборки, то их «положено употребить на канавы при шоссе, а подрядчик Коклен подал сего числа прошение об отпуске камня, о чем сего числа особо доложено». ⁵⁶⁸ Речь идет о выкладкой камнем сточных канав по обочинам шоссе, прокладываемого Варфоломеем Кокленом к Карантину, согласно контракту от 17 мая 1821 года.

После демонтажа большей части казарм, летом 1822-го, подверглись слому и три относящихся к ним «нужных места», которые мешали продолжению планировочных работ. ⁵⁶⁹ 13 июля Круг и Бертини сообщают Комитету о затратах на разборку военной церкви, трех солдатских казарм и перевозку материала от разборки. ⁵⁷⁰ 31 июля 1822-го детально рассматривается вопрос о разборке предыдущим летом Екатерининского храма, затратах и полученных материалах. Прораб Кривчиков принял тогда 5.000 штук кондиционного камня от разборки, и этот материал был отпущен на устройство шоссе к Карантину. Оставшийся

на данный момент разновеликий камень определили сложить в сажени и продать с публичного торга.⁵⁷¹ Очевидно, что в итоге он достался И.И. Кругу, и тот употребил его для сооружения дома по соседству. Но об этом ниже.

Планировка, мощение, озеленение, ограждение бульвара

План и смету на устройства бульвара как такового в мае 1821-го составил *Шарль Мишель (Карл Иванович) Потье* и передал Трегубову, а тот 2 февраля 1822-го предложил Строительному комитету вызвать подрядчиков. Комитет сделал соответствующее объявление, назначив торги на 20, 23 и 27 февраля.⁵⁷² Поскольку смета несколько устарела, то ее откорректировал военный инженер, чрезвычайно полезный для юной Одессы человек *Жюст Валентинович Гаюи* (о нем мы еще поговорим): масштабы работ в принципе не изменялись, но повышалась расценка работы землекопов. Что касается высадки 257 деревьев, исчисление возлагалось на другого специалиста, директора ботанического сада Карла Десмета. Окончательные торги назначались на 16 марта, общий надзор возлагался на Гаюи, замещавшего Потье.⁵⁷³ Земляные работы приняли на себя подрядчики Исаак Потапов и Иван Подсолнохов (Подсолнухов).⁵⁷⁴ С этими работами особых проблем не намечалось, а вот с высадкой деревьев случилась заминка.

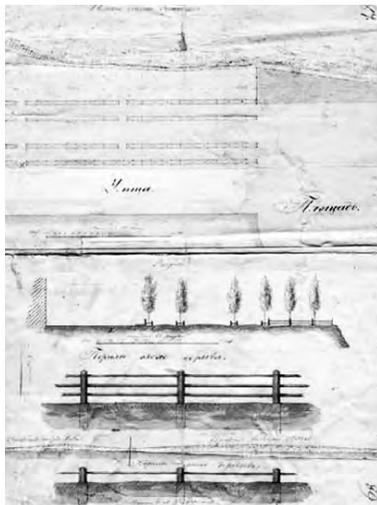
Во-первых, Десмет в ту пору был серьезно задействован в устройстве ботанического сада. Во-вторых, намеченные к высадке деревья из казенных лесов деревни Слободзеи по освидетельствовании заведующего одесской Городской плантацией садовника Германа оказались непригодны. Он объяснил, «что для бульвара потребны деревья довольно толстые, каковых на слободзейских лесах нет; но что оные есть в лесах, военному поселению принадлежащих». Комитет решил обратиться за отпуском деревьев к начальнику военных поселений генерал-лейтенанту Витту через пришедшего на смену Трегубову градоначальника Гурьева.⁵⁷⁵ Меж тем время торопило, шел уже октябрь, и с высадкой следовало поспешить «до морозов и дурной погоды».

Количество потребных деревьев исчислили уже в 454, прибавив 10% в запас, что с учетом расходов на прогоны и доставку привело к увеличению сметы.⁵⁷⁶

Изучение большого массива архивных документов свидетельствует о том, что в 1822 году деревья так и не были высажены, а планировочные земляные работы завершились только поздней осенью. Заминка связана с разборкой «нужных мест». В январе-феврале 1823-го Потье докладывал Комитету об окончании работ Потаповым и Подсолноховым, ссылаясь на рапорт

своего подчиненного, инженера корпуса путей сообщения капитана *М.М. Бугайского* от 9 ноября 1822-го, после чего подрядчикам полностью выплатили предусмотренную контрактом сумму.⁵⁷⁷

Меж тем 13 марта 1823 года в заседании ОСК обсуждались проект и смета бульвара «с сделанием близ одного двухаршинного тротуара», представленные инженером Потье градоначальнику Гурьеву: 1) перемена земли – привоз хорошей; 2) перевозка из Казенного сада 454 дерев, насаждение, поливка, укрепление оных подпорками и окраскою зеленою краскою на масле; 3) дерновая работа с поливкой; 4) обнесение бульвара перилами на 416 погонных саж., «с обнесением восьмигранно с наружной части столбами»; 5) рытье 282 ям; 6) «сделание при входе на бульвар 3-х крестов с вырытьем для оных ям» (символическая композиция?); 7) «обнесение каждого ряда дерев перилами» плюс восьмигранно наружно 760 столбов; 8) рытье 760 ям для столбов; 9) окраска всех перил в три слоя зеленою краскою на масле; 10) «разбивка 150 сажений крупного дикаря камня в мелкий щебень с пропущением чрез грохот (металлический барабан. – **О. Г.**)»;

Начало 1820-х. Планирование ограждения и озеленения Приморского бульвара

Одесская гавань и в середине XIX ст.

11) «разбивка и разравнивание на площадке 30 сажень щепня, высыпка 306 квадратных сажень площадки, подвозка, разброска, выравнивание по 3-м аллеям и посыпка 3-х аллей гравием»; 12) «забутовка для тротуара фундамента – 146 квадратных сажень»; 13) «сделание тротуара на 220 сажень шириной 2 аршина плитным камнем». Общая сметная стоимость составила 22.063 руб. 90 коп. Определили: отдать работу в подряд, торги назначить на 15, 19, 22 марта.⁵⁷⁸

В итоге 5 мая 1823 года был заключен контракт с одесским купцом *Ильей Орловым*, который обязался окончить перечисленные работы к 1 сентября за исключением высадки деревьев: «Дерева же посадить осенью, когда приказано будет».⁵⁷⁹ Но уже 21 мая в Комитете обсуждали протест Орлова в связи с непредвиденными обстоятельствами: «некоторая часть (бульвара. – **О. Г.**) к морскому обрыву засыпана навозом и всякою нечистотою», что препятствует работе. Определили: писать в Городскую полицию, дабы навела порядок.⁵⁸⁰ 14 июня инженер Гаюи освидетельствовал ход работы, производимой Орловым, отметил активную за-

готовку подрядчиком стройматериалов. На этом основании Комитет распорядился выплатить производителю работ 25% от суммы подряда.⁵⁸¹

Что до высадки деревьев, то она как-то не заладилась с самого начала. В октябре Орлов просил об отпуске 454-х саженцев из Казенного сада, каковые получил и высадил, однако приживались они плохо: и почва была неподходящая, и сами деревца. Формально подрядчик выполнил все работы, за исключением укладки дерна, поскольку годного в окрестностях Одессы не нашлось. Дерн уложили не скоро, но не позднее 21 апреля 1824-го.

Кроме того, пришлось изменить протяженность бульвара. Почему? Потому что уже после составления проекта и сметы «на одном месте устроена морская батарея при обрыве», и бульвар несколько продлили в направлении старой таможни,⁵⁸² то есть к Ланжероновскому спуску. Неудачная высадка деревьев осенью 1823-го привела к тому, что следующей осенью процедуру пришлось повторить. По приказанию Гурьева садовник Ганс Герман получил у заведующего Ботаническим садом Карла Десмета новую порцию деревьев, организовал выкопку засохших и высадку свежих.⁵⁸³

Устройство нового бульвара осложнялось и другими проблемами: обвалами кромки плато и разрушительной деятельностью ливней. Поэтому необходимо было устроить дренаж и укрепить склоны. 2 октября 1824-го инженер-капитан *Григорий Сергеевич Морозов* (впоследствии генерал, один из видных фигурантов истории Одессы) докладывал Комитету о сложившейся ситуации и о своем видении выхода из оной. Морозов предложил устроить водоотводы, которые обеспечат сохранность территории бульвара, палисадов, укрепить «в некоторых местах (сделавшегося уже обрушения) деревянными кольями и земляною насыпью... Часть земли, для сего потребная, будет взята с улицы, идущей на средину бульвара, где прежде были солдатские казармы, чем самым будет сбережена казенная издержка, на очистку оной улицы необходимая». Комитет нашел эти соображения резонными, и назначил торги.⁵⁸⁴ На торгах соперничали уже известные нам Илья Орлов и Исаак Потапов, причем подряд остался за вторым,⁵⁸⁵ который завершил работы к 20 ноября 1824 года.⁵⁸⁶

Все изложенное дает превосходное понимание того, *какой «бульвар» открывался взору Пушкина*. Во все время его пребывания в Одессе это была грязная строительная площадка, а появившиеся в ее недрах осенью 1823-го чахлые саженцы очень созвучны с метафорой о «насильственной тени». К слову, перед самым отъездом Поэта из Одессы, в июле 1824-го, городской садовник Герман по словесному указанию Гурьева руководил переделкой дорожек на бульваре: убирали крупные камни, привозили и утрамбовывали глину, насыпали песок, доставлявшийся из немецкой колонии Люстдорф.⁵⁸⁷

Первичная застройка бульвара

Как было сказано, она сильно тормозилась наличием фрагментов «военного городка». Это касается и территории нынешней Екатерининской площади, примыкающих кварталов одноименной улицы, пространства меж теперешним Воронцовским переулком и Военной балкой. Сама же идеология застройки была для Одессы инновационной.

Строительный комитет предложил: *«по горе к морю застроить места с особенным старанием сплошным строением, дабы город со стороны моря имел лучший вид»*. Места следует отводить тем, кто в состоянии соответствовать этой цели. В дальнейшем сделать правилом, *«чтобы сия новая часть города со стороны моря была застроена сплошным строением»*, *«писать всем архитекторам, чтобы планы для сей части города были составляемы на сплошные двухэтажные строения, наблюдали бы неупустительно за исполнением того, о чем равно сообщить и в здешнюю полицию»*.⁵⁸⁸ Это и в самом деле была новость, ибо еще нигде, даже в центральных кварталах, сплошная застройка в ту пору не практиковалась.

В принципе, места на территории «военного городка» стали отводить еще в 1800-х, когда определениями от 14 августа 1805-го и 13 мая 1809-го регламентировалась застройка этих мест после окончания устройства линии новых оборонительных казарм и демонтаж старых.⁵⁸⁹ Но поскольку процесс сильно затянулся, лица, формально получившие тут участки, в большинстве от-

казывались от них и искали новые либо оставляли Одессу в связи с переводом по службе, личным обстоятельствам. В их числе немало известных фигур: граф И.А. Безбородко, тайный советник Филипп Штигилиц, А.И. Геннади (дед выдающегося библиографа), княгиня Зинаида Волконская, аббат Николь, генералы Е.Ф. Геккель и К.Ф. Левенстерн, баронесса Мария Розенкампф, тайный советник действительный камергер И.М. Муравьев-Апостол и другие.

Граф Карл Сен-При

Проще, пожалуй, перечислить тех немногих, кому вопреки всему застроиться все же удалось. Получили участки и застроились: гоф-маклер одесской биржи *Федор Андре* (соответственно в 1811 и 1814 гг.) – на углу Екатерининской, а поблизости, на одноименной площади – капитан над портом *Степан Телесницкий* (1810 и 1815 гг.), первый председатель Одесского коммерческого суда, кавалер ордена Св. Анны 1-й степени граф *Карл Сен-При* (1810 и 1816 гг.) – в Театральном переулке,⁵⁹⁰ на месте нынешнего дома № 16.

Все эти дома заслуживают, понятно, пространного описания, хотя бы уже по значимости домовладельцев в региональной истории. Но такое описание потребовало бы, пожалуй, отдельного издания. О семействе Сен-При разыскать информацию нетрудно и в справочниках. Здесь замечу только, что в 2-этажном доме Карла Францевича в 1818 году жил *К.Н. Батюшков*, бывали *Н.М. Муравьев*, *М.С. Лунин* и многие другие известные люди. «Здесь нашел я графа С. При, – пишет Батюшков из Одессы 12 июля 1818-го, – и живу в гостеприимном его доме. Он ко мне ласков по-прежнему и все делает, чтобы развлекать меня, возит по городу, в итальянский театр, который мне очень нравится, к иностранцам, за город на дачи. Одесса – чудесный город, составленный из всех наций в мире и наводнен итальянцами. Итальянцы пилят камни и мостят улицы:

так их много! Коммерция его создала и питает».⁵⁹¹ Нелишне прибавить: ранее Сен-При и его супруга княгиня Софья Алексеевна Голицына (скончалась в 1814-м) нанимали «небольшой, но изрядный дом», очень хорошо обставленный. По понедельникам устраивали немногочисленные журфиксы, на которых бывали герцог Ришелье, австрийский консул фон Том и др., в общей сложности с полдюжины лиц.⁵⁹²

Осенью 1820-го Муравьев и Лунин посещали также и обширный хутор Сен-При близ нынешней Аркадии, на территории будущего санатория «Россия».⁵⁹³ Согласно раскладочной ведомости на 30 апреля 1824-го, хутор этот оценивался в 10.000 рублей и давал 1.000 руб. ежегодного дохода, а сказанный дом – 50.000 рублей и соответственно 5.000 дохода.⁵⁹⁴ Территория хутора составляла 50 десятин удобной земли, и была отмежевана 10 марта 1811 года.⁵⁹⁵ То есть, отсутствуя в Одессе и находясь во Франции с 1821 года, Сен-При получал доходы от своей одесской недвижимости.

Что до Телесницкого, он, к сожалению, незаслуженно забыт – личность неординарная, масштабная. Посвятил ему главу в одной из предыдущих книг,⁵⁹⁶ но и здесь позволю себе немного распоясаться.

Телесницкий

Степан Михайлович Телесницкий – без преувеличения эталонный, идеальный российский морской офицер. На сегодняшний день я знаю о нем гораздо меньше, чем хотелось бы. Однако зверь бежит на ловца: когда настойчиво интересуешься чьей-нибудь судьбой, рано или поздно получаешь информационный бонус.

К.Н. Батюшков

Пока неизвестен даже год его рождения, не обнаружена и метрическая запись о кончине, хотя по косвенным данным их можно почти наверняка воспроизвести. Дворянин Телесницкий поступил в Морской кадетский корпус в 1773 году, но учился в нем дольше других – гардемарин лишь с 1 января 1782-го. Из этого можно сделать вывод, что учение его началось в очень юном возрасте. В 1782-1784 годах на корабле «Давид Солунский» совершил переход из Кронштадта в Ливорно и обратно в составе эскадры под началом знаменитого впоследствии победителя шведов адмирала В.Я. Чичагова (1726-1809), уже ходившего тем же маршрутом в 1772-м. 1 мая 1784 года произведен в мичманы, и в течение нескольких лет, до 1788-го, служил на Балтийском море. 1 января 1787 года получил лейтенантский чин.

В этот период его военная карьера приняла довольно занимательный оборот. Шла русско-турецкая война, и в 1788-м молодому, способному и уже опытному морскому офицеру (с особым учетом его практики при Чичагове) поручили крайне опасное и важное задание. Ввиду намеченных в Средиземноморье военных операций Телесницкого под видом коммерсанта сухим путем через всю Европу направили в Италию и Левант для рекогносцировки и секретного составления планов Мессины, Сиракуз и других городов. Подробности исполнения до нас не дошли, но мы знаем наверняка: он блестяще выполнил свою миссию, и планы эти впоследствии не раз использовались по назначению, в том числе – им самим. На этом роль военного лазутчика не закончилась. Напротив, действо только разворачивалось. Не успел Телесницкий перевести дух, как его командировали из Санкт-Петербурга на Мальту. Тут необходимо хотя бы несколькими штрихами, лапидарно очертить сложившуюся в тот момент на Средиземноморье ситуацию.

Искавшая союзников в борьбе с Оттоманской Портой Россия опиралась на единоверных греков, в свою очередь стремившихся обрести независимость и, разумеется, тяготевших к россиянам. В предыдущих походах российского флота был наработан некоторый опыт совместных боевых действий с греками Архипелага, то есть островной Греции. Многие выходцы из благородных греческих семейств воспитывались в Петербурге, становясь офицерами, в том числе – морскими. На водных коммуникациях тогда

чрезвычайно успешно действовала целая каперская, по существу корсарская (чтобы не сказать пиратская) флотилия небезызвестного Ламброса Кацониса (1752-1805), на итальянский лад – Ламбро Качиони. Кацонис, на манер будущих фанатичных террористов, постоянно держал в напряжении своего заклятого врага – Турцию, не брезгуя никакими методами. Для российской императрицы он был тем же, кем был Фрэнсис Дрейк для английской королевы, а потому пользовался ее покровительством, состоял офицером русского флота, а суда его ходили под российским флагом.

Обаятельному пирату посвящено немало исследований, да изучение его биографии и не входит в нашу задачу. Однако нельзя не уточнить: фанатизм его сочетался с подлинным флотоводческим талантом, невероятной дерзостью, изобретательностью, да еще удачливостью. Лично меня весь этот «мужской набор» вводит в сомнение как раз в связи с первым из перечисленных компонентов – фанатизмом. Ну, никак не похож этот более чем разумный деловой человек на твердолобого ограниченного «патриота». Если же этот пункт отбросить, то все станет на свои места, и мы получим корсара, искателя приключений в чистом виде, включая честолюбивое стремление никогда и никому не уступать, быть максимально независимым лично. Впоследствии Кацониса беспрерывно обвиняли, говоря современным языком, в серьезных финансовых нарушениях и, так сказать, злоупотреблениях служебным положением. В итоге он был не только оправдан, но даже получил компенсацию от казны, и под конец жизни показал себя весьма состоятельным промышленником.

Так или иначе, отправка Телесницкого на Мальту преследовала цель усилить давление на Порту умножением корсарских крейсеров. Для этого доверенные лица или лазутчики покупали суда (иногда не только на казенные средства, но и на пожертвования сочувствующих) в нейтральных странах, набирали команду и выходили на тропу войны. Следуя тем же курсом, Телесницкий набрал на острове в русскую службу команду из 115 человек, вооружил корсарский фрегат «Лабонданц» (в военных реляциях – примитивная транскрипция французского слова «Изобилие»), совершил переход в знакомые Сиракузы, а оттуда к Ионическим островам. Здесь наш герой, подобно Кацонису, занялся любимым делом – нападением

на турецкие суда. Хотя основное, не афишируемое предназначение корабля заключалось совсем в другом, но об этом ниже.

Имею все основания сравнивать Телесницкого с Кацонисом. Русский офицер ни в чем не уступал прославленному корсару, был столь же разносторонне одарен, и при этом куда более щепетилен и менее кровожаден. Правда, уступал он в честолюбии, и, кроме того, не обладал того же масштаба материальными ресурсами и связями. На них были сделаны разные ставки, хотя выигрыш в том и другом случае, по меньшей мере, пропорционален, вероятно, даже в пользу Телесницкого. Между прочим, в феврале 1788 года сам Кацонис купил в Триесте трехмачтовое купеческое судно с парусной оснасткой фрегата, вооружил его 28-ю пушками, и с этого корабля, поименованного в честь императрицы «Минервой Северной», началось формирование его флотилии. Позднее, в 1791-м он купил за российские деньги 21 судно, создав новую эскадру.

Хроники сохранили подробности необычного морского сражения, состоявшегося в мае 1789 года. Тогда близ острова Сифанто (Сифнос) «Лабонданц» под командой лейтенанта С.М. Телесницкого был обнаружен отрядом из 14-ти (по другим сведениям – из 16-ти) турецких кораблей. Не смутившись колоссальным численным перевесом, Степан Михайлович принял бой, понимая, что неприятельские суда все равно не сумеют одновременно противостать ему. Более трех часов продолжалась неравная перестрелка, в которой «Лабонданц» потерял 19 членов экипажа и получил некоторые повреждения. В это время к нему приблизилось два турецких фрегата с намерением взять на абордаж.

С близкого расстояния враги потребовали сдаться. В ответ бесстрашный Телесницкий открыл огонь и закричал, что при попытке высадить десант взорвет свой корабль вместе с нападающими. Вид его, с горящим факелом приближающегося к запасам пороха, опаленного боем, был так грозен, а намерения столь решительны, что противник поспешил удалиться. Воспользовавшись этим, Телесницкий немедленно произвел необходимые исправления фрегата и хорошенько подготовился к продолжению боя. Судя по всему, турецкие шкиперы не рискнули больше связываться с полоумным русским, отказались от намерения получить дорогою ценою малоценный приз (никакого коммерческого груза явно не было) и оставили оборонявшихся в покое.

Но вернемся к упомянутому предназначению фрегата и его шкипера. Это был, по существу, военный транспорт-разведчик. В случае надобности он мог войти в какую-либо акваторию под флагом нейтральной страны, имея на борту необходимые документы. В 1790 году Телесницкий не единожды выполнял тайные поручения командования, заключающиеся в доставке, высадке и возвращении лазутчиков, топографической съемке, промерах дна на удобных для десантирования войск участках, составлении планов укреплений и т. п. С этой целью он обошел остров Корфу и береговую линию Морей, курсировал меж Ливорно и Левантом. В 1791-1792 годах командовал уже другим корсарским кораблем, под экзотическим названием «Лафам» (то есть «Дама», очевидно, пиковая: хотя Пушкин еще не родился, но семантика карточных фигур была той же), обошел все Средиземноморье, беспрестанно попадал во всякие передраги, но всегда умел выйти из любой ситуации победителем или, во всяком случае, без проигрыша. Другими словами, некоторое время находился в состоянии войны с Портой даже после заключения Ясского мирного трактата. Возможно, находясь в автономном плавании, он не сразу получил приказ прекратить боевые действия. Кацонис, однако, приказу о разоружении своей флотилии в Триесте и ее продаже не подчинился, пытался продолжать борьбу, был окру-

жен, едва спасся, подвергнув преследованиям свою семью. Впрочем, многие из его подчиненных тоже вырвались из окружения, еще раньше в Севастополь вернулись три судна. Захваченных моряков турки жестоко казнили или сослали на галеры.

Телесницкий же, проведя пять лет кряду в опаснейших предприятых на море, наконец вернулся в Санкт-Петербург в 1793 году, снова совершив путешествие по суше от Ливорно, через всю Европу. Тогда становилось неуютно не только в Италии, но даже в австрийском Триесте. 2 февраля 1794 года Степана Михайловича произвели в капитан-лейтенанты и перевели в Херсон, чтобы иметь универсального специалиста поближе к театру с завидной регулярностью повторяющихся военных кампаний. Чуть позже сюда же прибыл призванный и прощенный императрицей Кацонис, а равно оставшиеся в живых члены его семьи.

Вскоре в нарождающейся Одессе сформировали греческий дивизион, куда входили преимущественно моряки его флотилии. Мало кому сегодня известно о том, что офицеры с греческими фамилиями, которым еще в сентябре 1794 года отводились места под застройку, – боевые соратники легендарного корсара, георгиевского кавалера. По всему видно, Кацонис и Телесницкий сотрудничали не только на море, но и на суше. Они, несомненно, причастны и к переселению в южный регион греков и арнаутов. В 1795-1796 годах Кацонис обитал в столице, был приближен императрицей. После кончины Екатерины с его финансовыми делами разбиралась специальная комиссия, а Павел I настаивал на его отправке в Одессу, в созданную ранее Иосифом де Рибасом гребную флотилию. Разбирательства, впрочем, завершились более чем позитивным для Кацониса решением – ему даже вернули потраченные на правое дело личные сбережения.

Но вернемся к Телесницкому, которого изредка вспоминают в контексте событий 1798-1800 годов, когда его назначили на место историографа флота в ходе экспедиции адмирала ФФ. Ушакова в Архипелаг. Разумеется, официальная должность далеко не в полной мере отражает ту поистине выдающуюся роль, которую Степан Михайлович тогда сыграл. Мало того, что он как никто знал гидрографию бассейна, береговую линию, местные особенности, нравы, языки, имел своих доверенных людей и проч., вспомним о выполненных им картах и планах главного объекта этой военной операции против

французов – острова Корфу. Он мог одновременно исполнять обязанности штурмана, лоцмана, десантника, драгомана, интенданта, разведчика, секретаря дипломатической миссии. Пишут об очевидном расположении и большом доверии Ф.Ф. Ушакова к Телесницкому. Заслуга Степана Михайловича в создании греческой Республики Семи Островов под протекторатом России и Турции несомненна.

Узнав о начале этой военной кампании, нестарый еще и полный сил Ламброс Кацонис обратился к императору с просьбой разрешить ему на собственный кошт оборудовать корсарский корабль и принять участие в боевых действиях против французов. Парадокс (возвращаясь к вопросу о «фанатизме») заключается в том, что Россия действовала на этот раз в союзе со всегдашним своим и Кацониса заклятым врагом, Турцией. Но последнего это несколько не смутило. Павел I нашел сказанное предложение вполне приемлемым, согласился выдать патент на каперство, однако война не приняла затяжного характера, и заядлый корсар так и не успел выйти в море.

Вскоре после возвращения эскадры Ушакова в Севастополь началась собственно одесская биография Телесницкого: в 1801 году его назначили капитаном Одесского порта. То был самый ответственный для города момент, когда, наконец, возобновлялось замороженное еще с кончины благословенной императрицы строительство гидротехнических сооружений и в целом портовой инфраструктуры. И Телесницкий был как раз тем человеком, который наилучшим образом мог реализовать себя на этом месте.

Капитаном порта тогда называли начальника двух гаваней – Карантинной и Практической. Затем должность эта именовалась «капитан Карантинного порта», хотя фактически под началом капитана состоял и Практический порт. Впоследствии ввели дополнительную должность, и тогда параллельно служили «два капитана». Еще позже оба капитана получили помощников. Но Телесницкий должен был справляться со всем один – на фоне тех грандиозных преобразований, которые осуществляла в это время Комиссия отстройки гавани в Одессе под руководством талантливое военного инженера Е.Х. Ферстера: расширение порта (1802) предшествовало созданию Одесского строительного комитета. В это время созидательная деятельность Телесницкого ознаменовалась присвоением ему 15 января 1803 года чина капи-

тана 2-го ранга. 26 ноября 1804-го он получил высокую награду – орден Святого Георгия 4-го класса, похоже, за участие в обеспечении деятельности российского гарнизона и флота на Ионических островах, когда численность войск и пушек увеличилась вдвое.

Степан Михайлович в это время вновь остро понадобился на флоте по следующим причинам. В 1805 году Россия в составе третьей коалиции вступила в войну с Францией. База русского флота находилась на острове Корфу, входившем в упоминавшуюся выше Республику Семи Ионических Островов, в создании которой опосредованную, но чрезвычайно значимую роль сыграл Телесницкий. Государство это, понятно, было эфемерным, формально находилось под протекторатом Османской Порты и фактическим контролем России. Сближение Турции с Францией и появление флота последней в Адриатическом море грозило серьезными неприятностями. По этому поводу вице-адмирал Д.Н. Сенявин, согласно императорскому рескрипту, повел из Кронштадта на Корфу эскадру, состоящую из пяти линейных кораблей, фрегата и двух бригов.

Эскадра Сенявина соединилась с черноморской эскадрой контр-адмирала А.С. Грейга, которая базировалась на Корфу. Совместно им пришлось воевать на два фронта – против французского и турецкого флота. Телесницкий мог временно прибыть на Корфу на борту одного из кораблей, входящих в состав отряда, отправленного туда из Севастополя в 1804-м, – двух линейных, двух фрегатов, шести корветов и четырех бригов. Мало что известно о конкретном участии Степана Михайловича в этой экспедиции русского флота, получившей в исторических штудиях название Второй Архипелагской. Однако вполне очевидно, что в ходе планирования и осуществления военных операций использовался его огромный многогранный опыт. Ясно также и то, что здесь его пути пересеклись с другими персонажами ранней истории Одессы – Белли, Достаничем, Колонтаевым, Попандопуло. Оценка участия Телесницкого объективно иллюстрируется присвоением ему 28 мая 1808 года чина капитана 1-го ранга.

1 марта 1810 года он уволен в отставку с чином статского советника, соответствующего флотскому чину капитан-командора, то есть с повышением. 27 октября в Строительный комитет, членом которого Телесницкий был на протяжении ряда лет, поступило его прошение об отводе места под домостроительство. Участок

под застройку на углу Дерибасовской и Итальянской улиц ему был отдан еще в первой половине апреля 1804 года,⁵⁹⁷ но тогда воинский долг оторвал его от решения бытовых проблем. Новое место, которое Степану Михайловичу отдали в 1810-м, было занято старыми воинскими казармами, а потому он мог приступить к строительству лишь после их сноса, с обязательством окончить возведение дома в два года.⁵⁹⁸ Тогда же он просил отдать ему одно место под строительство лавки на Греческом базаре.⁵⁹⁹

Предпринимателя из Телесницкого не получилось, одаренный как будто всесторонне, он, видимо, был лишен коммерческой жилки. Возможно, просто недоставало стартового капитала: честный благородный служака толком ничего не нажил, а семью приходилось содержать. Надо полагать, все дарованное ему судьбой *изобилие* заключалось в одноименном казенном корсарском корабле. Как бы то ни было, торговое место отошло другому лицу. Многострадальный же дом его (один из плановых флигелей и службы) был построен в июне 1815 года⁶⁰⁰ впритирку к руинам казарм, разобранных лишь на рубеже 1810-1820-х. Находился он примерно в пределах нынешнего здания по Екатерининской площади, № 3, и фактически принадлежал его дочерям – *Ольге Солодовниковой, во втором браке Морозовой, и девице Софии*. Почему обзываю это строение многострадальным?

Как было сказано, переустройство и перепланировка территории нынешнего Приморского бульвара развернулись после сноса воинских казарм. В связи с этим планировщики Потье и Шааль составили новый план «вновь прожектируемых кварталов», в который реально существовавший дом Телесницких четко не вписывался. То есть на момент выдачи первичных владельческих документов место имело другие нумерацию и габариты. Разбирательство затянулось на десятилетие! Просто диву даешься, как злосчастная Ольга Степановна, к слову, супруга весьма влиятельного человека, крупного военного инженера, а впоследствии даже руководителя Одесского строительного комитета, генерал-майора Г.С. Морозова, раз за разом объясняется с тем же Комитетом и владельцами смежных домов и участков. Из этой переписки, кроме всего прочего, видно, насколько образован, культурен автор эпистолярный. В этом нет ничего удивительного, если учесть хотя бы то обстоятельство, что ее отец-полиглот в начале 1820-х

был директором Одесского отделения Библейского общества. Территориальные споры удалось урегулировать лишь в феврале 1830 года. Какие-то неувязки возникали и гораздо позднее. Даю ссылки на целый ряд архивных документов 1820-х годов.⁶⁰¹

Прибавлю любопытную цитату Гавриила Геракова от 8 октября 1820 года: «Вечер у гр. Ланжерон. Тут молодая вдова Солодовникова несколько рассеяла мою грусть приятным разговором и прелестным пением».⁶⁰²

В метрических книгах греческой церкви Святой Троицы зафиксировано рождение 15 апреля и крещение 25 апреля 1807 года младенца Платона, сына капитана над портом Стефана Телесницкого и его жены Марии. Занятно, что восприемник записан так: «Таганрогский, капитан над портом».⁶⁰³ Совершенно очевидно, что речь тут идет не о мифическом Таганрогском, а о капитане над таганрогским портом, то есть о генерал-майоре Петре Федоровиче Бачманове. О дальнейшей судьбе Платона пока ничего не знаю. Не исключено, умер в малолетстве.

По стечению обстоятельств, Телесницкий изредка проявляется где-то на задворках истории Одессы не как героический моряк, а лишь как масон нескольких лож. Удивляться нечему, обывателя больше привлекают окутанные таинственным маревом масонские ритуалы, связанные с этим легенды, небылицы, вплоть до замков с привидениями и прочей чертовщины. Так вот, старый дом Степана Михайловича вошел в регионально-исторические анналы как первый масонский адрес города. В его подвалах, собственно говоря, и проводились первые собрания сформированной в конце ноября 1817 года местной *ложи «Понт Эвксинский»* (античное название Черного моря). Показательно, что на лицевой стороне знака этой ложи изображен парусник на фоне башни, вероятно, маячной.

В ее состав входили многие влиятельные лица, начиная с градоначальника и военного губернатора графа Ланжерона. Можно начать с уже не раз упоминавшегося Достанича, перечислить военных – одесского коменданта Силина, командира одесского артиллерийского гарнизона Облеухова, адъютантов Ланжерона Волконского, Дункеля, Флуки, затем офицеров Вегелина, Мейера и др. В ложе состояли профессора Ришельевского лицея Пиллер, Виард и др., врачи Вицман, Стуббе, Эпитес, Камозн и др., чиновники

Неженец, Шмидт (фармацевт), Голиков, Гибаль (один из первых одесских журналистов), Шааль (архитектор), Гельмерсен (военный инженер), Десмет (знаменитый садовод), да и сам Телесницкий, негоцианты Кортацци, Ксенис, Гогель, Андре (гофмаклер одесской биржи), Пасто (биржевой маклер), Коллен (один из первых книготорговцев и держателей частных библиотек), Вальб, Этлингер, Гаторно и др. Официально деятельность масонских лож прекращена в январе 1822 года, и с тех пор все государственные служащие подтверждали неучастие в каких-либо тайных обществах стандартной распиской.⁶⁰⁴

Дом Телесницкого обрел ореол таинственности при следующих обстоятельствах. От Морозовых (генеалог С.Г. Решетов нашел метрическую запись о кончине Ольги Морозовой, урожденной Телесницкой, 25 января 1858 года, в возрасте 65 лет) он перешел во владение известного медика, общественного деятеля, мемуариста Э.С. Андреевского и пошел под снос для постройки более солидного здания. Тогда-то и был вскрыт обширный сводчатый подвал, разграниченный на несколько отдельных помещений, с расписными стенами, соответствующей символикой, предназначенный для проведения масонских ритуалов. Сам Андреевский сообщает по этому поводу: «Видно, когда последовал высочайший воспрет против масонских лож, закрыли подземелье и забили наглухо входы к нему, сохранили, однако, помещения, на всякий случай».

Авторитетный краевед В.А. Чарнецкий пишет: «По сведениям масонских архивов, масонская ложа «Нептун» отрядила в 1818 году своего «брата» Телесницкого в Одессу, вероятно, для оказания помощи и организации ложи в этом городе. С другой стороны, по данным Государственного архива Одесской области, Телесницкий в 1810 году сделал заявку на тот участок земли в Одессе, на котором был построен его дом. По существующим тогда правилам, дом должен был быть возведен в срок не более двух лет, следовательно, он был готов не позже 1812 года. Каким образом увязываются об эти сообщения, пока неизвестно».⁶⁰⁵ По имеющимся у меня данным, дом все же не был построен в срок – очевидно, помешала чума, и строительство завершилось к середине 1810-х. Но суть не в этом. Два указанных сообщения увязываются очень легко, поскольку речь идет о двух разных Телесницких.

Один из них – наш Степан Михайлович, другой – Владимир Николаевич, титулярный советник, надзиратель таможенной заставы. Какова меж ними родственная связь, неясно, но она несомненна. Известно, что у первого было два брата, оба флотские – Иван, капитан-лейтенант, и Михаил – лейтенант. Можно лишь предположить, что был еще и другой (другие) брат (братья), Николай. Как бы то ни было, второй Телесницкий, значительно моложе и ниже по чину, действительно появился в Одессе около 1818 года.

Путаница, кроме всего прочего, объясняется еще и тем, что дом Владимира Николаевича находился поблизости от дома Степана Михайловича. Сохранилось прошение жены отставного лейб-гвардии ротмистра Варвары Телесницкой от 6 сентября 1820 года об отводе места в LXVIII квартале, то есть по четной стороне первого квартала Екатерининской улицы, на котором тоже существовали казармы. Назначался двухлетний срок постройки, считая с того момента, когда они будут демонтированы.⁶⁰⁶ Опасаясь проволочек, 6 июня 1821-го она попросила отвести другое место, «во вновь прожектированном квартале», которое «никому еще не отведено». Отводом занимался архитектор Ф. Шааль.⁶⁰⁷ Из архивных документов 1822-1823 гг. четко видно, что дом Варвары Телесницкой построен по Театральной площади (то есть по Театральному переулку), по смежности с *первичным домом архитектора Боффо*, построенном в июне 1823-го.⁶⁰⁸

Та же история и с хуторами. В архивном фонде Одесского коммерческого суда зафиксирован акт продажи титулярным советником *Владимиром Николаевичем Телесницким* своего хутора небезызвестной помещице *Каролине Адамовне Собанской*, урожденной графине Ржевуцкой, 16 июня 1822 года.⁶⁰⁹ Дочери С.М. Телесницкого владели совершенно другим хутором, отведен под хозяйственное освоение еще в августе 1812-го.⁶¹⁰

Итак, дом Степана Телесницкого находился на Екатерининской площади, а дом Владимира Телесницкого – неподалеку, в Театральном переулке. В оценочных ведомостях одесской недвижимости первой половины 1820-х значатся: скромный дом титулярного советника Телесницкого, оцененный в 5.000 рублей, не приносящий дохода, и куда более солидные постройки статского советника Телесницкого, с оценкой в 15.000 рублей и доходом в 400 рублей.⁶¹¹

О времени кончины Степана Михайловича надежных данных пока не обнаружено, но следы его теряются после 1821 года, когда он значится вице-инспектором Одесского портового карантинного и директором Одесского отделения Библейского общества. Что касается его родственника, Владимира Николаевича, тот ушел из жизни в 1831 году, после чего его супруга уехала в Москву. Варвара Николаевна Телесницкая, урожденная Трегубова, – дочь председателя Одесского коммерческого суда, градоначальника (1820-1822), сенатора Николая Яковлевича Трегубова (1756-1845). В брак со штаб-ротмистром лейб-гвардии уланского полка Телесницким вступила в Одессе 24 сентября 1817 года. Причем поручителями выступали статский советник Степан Телесницкий и действительный статский советник Василий Новосельцев.⁶¹² После кончины мужа на ее попечении оказалось пятеро малолетних детей, оттого, конечно, пришлось перебраться к отцу. Между прочим, в Одессе по карантинной части служил ее младший брат Алексей (умер 7 мая 1838 года на 42-м году жизни). С 5 июня 1832 года Варвара Николаевна служила старшей надзирательницей в Московском доме трудолюбия, а с 15 августа 1835 по 22 января 1851 – директрисой Кушниковского благородного института в Керчи, где и умерла 5 апреля 1851-го, похоронена в Москве, рядом с отцом.

Внешний облик домов Телесницкого и Андре можно видеть на рисунке В.А. Жуковского начала 1830-х годов.

Места, предназначенные для домов генерал-губернатора и градоначальника

Поскольку для жительства высших администраторов дорогою ценою нанимались частные дома, постольку при планировании бульвара таковые места были зарезервированы. Первое занимало территорию застройки одним из полуциркульных зданий, № 7, и часть смежного места, где теперь дом № 6. Однако с вступлением в должность М.С. Воронцова этот проект был пересмотрен: для нового губернатора нанимали особняк Фундуклея лишь на то время, пока обустривалась ранее приобретенная графом усадьба Куликовского, которая и сделалась резиденцией гене-

рал-губернатора. Часть места сперва отдали чиновнику Аврамполо, ⁶¹³ затем Зонтагу, который и застроился, ⁶¹⁴ а рядом возвели более необходимое здание Присутственных мест. ⁶¹⁵

Для градоначальника оставили место в будущем Театральном переулке – ныне пер. Чайковского, № 10 и 8. ⁶¹⁶ Однако значительную часть этого места передали в частные руки, поскольку было принято решение строить градоначальнический дом в начале четной стороны Ришельевской улицы (№ 2). Этот проект и был осуществлен во второй половине 1820-х. ⁶¹⁷ Впрочем, градоначальник там никогда не обитал: власти сочли более выгодным сдавать это колоссальное по тем временам сооружение в аренду, а для администратора оставить часть прежнего места в Театральном переулке.

В 1830-м первым арендатором так называемого Дома градоначальника по Ришельевской сделался знаменитый пушкинский ресторатор Цезарь Отон. ⁶¹⁸ Что до солидной части бывшего градоначальнического места в Театральном переулке, оно, судя по имеющимся данным, надолго оказалось во владении отца и сына Фонтон, Петра Антоновича и Феликса Петровича, известных российских дипломатов французского происхождения. ⁶¹⁹ В 1848-м эта недвижимость оценена в 11.330 рублей серебром, ⁶²⁰ что может указывать на неизменность первичной постройки. Из этой оценочной ведомости, между прочим, видно, что впоследствии «Дом градоначальника» и принадлежащая к нему земля были распределены меж Фонтоном и Боффо.

Примечания

⁵⁵⁴ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 17, л. 117-118.

⁵⁵⁵ В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье. – Одесса: «Друк», 2001, с. 36.

⁵⁵⁶ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 259, л. 134.

⁵⁵⁷ Там же, д. 267, л. 212.

⁵⁵⁸ Там же, д. 287, л. 637-646.

⁵⁵⁹ Там же, д. 279, л. 403.

⁵⁶⁰ Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 386-389.

⁵⁶¹ И.М. Долгорукий. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года. – М., 1870, с. 144-145.

- 562 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 278, л. 57.
- 563 Там же, л. 154 – 155 об.
- 564 Там же, л. 190 об. – 191.
- 565 Там же, д. 279, л. 495 об. – 496 об.
- 566 Там же, л. 535.
- 567 Там же, л. 545-546.
- 568 Там же, л. 619 об., 629 об. – 631.
- 569 Там же, д. 282, л. 31, 172.
- 570 Там же, л. 115 об. – 116 об., 117-118.
- 571 Там же, л. 177-179.
- 572 Там же, д. 281, л. 91.
- 573 Там же, л. 172-173.
- 574 Там же, л. 195 об. – 196.
- 575 Там же, д. 282, л. 345-346.
- 576 Там же, л. 377.
- 577 Там же, д. 283, л. 141-142.
- 578 Там же, л. 253.
- 579 Там же, л. 555-557.
- 580 Там же, л. 655 об. – 656.
- 581 Там же, л. 804-805.
- 582 Там же, д. 287, л. 119-121.
- 583 Там же, л. 224; Там же, д. 286, л. 464-465.
- 584 Там же, д. 287, л. 4 об. – 5 об.
- 585 Там же, л. 29-30.
- 586 Там же, д. 288, л. 134 об. – 135.
- 587 Там же, д. 286, л. 131 об. – 133 об.
- 588 Там же, д. 283, л. 11-14.
- 589 Там же, д. 262, л. 62, 233.
- 590 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 80, л. 24-29; Там же, ф. 2, оп. 5, д. 262, л. 233; Там же, ф. 59, оп. 1, д. 88, л. 213; Там же, д. 96, л. 450, 451, 452.
- 591 Русский архив. – 1867, кн. 5, с. 1521.
- 592 И.М. Долгорукий. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года. – М., 1870, с. 162.
- 593 В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье. – Одесса: «Другк», 2001, с. 92.
- 594 ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 215, л. 8-14.
- 595 Там же, оп. 3, д. 570А, л. 17 об.

- ⁵⁹⁶ Олег Губарь. Энциклопедия забытых одесситов. – Одесса: Optimum, 2011, с. 280-299.
- ⁵⁹⁷ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 4, л. 45.
- ⁵⁹⁸ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 262, л. 233.
- ⁵⁹⁹ Там же, л. 235.
- ⁶⁰⁰ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 268, л. 542; Там же, ф. 59, оп. 1, д. 88, л. 213, 214, 215.
- ⁶⁰¹ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 278, л. 89; Там же, ф. 59, оп. 1, д. 186, л. 149, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 462; Там же, ф. 2, оп. 5, д. 279, л. 198, 702-705; Там же, д. 281, л. 4; Там же, д. 286, л. 182 об. – 183 об.; Там же, д. 288, л. 173-174; Там же, ф. 59, оп. 1, д. 614, л. 35-54.
- ⁶⁰² Гавриил Гераков. Продолжение путевых записок по многим российским губерниям 1820-го и начала 1821-го. – СПб., 1830.
- ⁶⁰³ Труды Государственного архива Одесской области. Т. XXXVIII. – Одесса, 2014, с. 468-469.
- ⁶⁰⁴ ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 319, л. 1, 2.
- ⁶⁰⁵ В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье. – Одесса: «Друк», 2001, с. 102.
- ⁶⁰⁶ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 278, л. 211 об.
- ⁶⁰⁷ Там же, д. 279, л. 598 об.
- ⁶⁰⁸ Там же, д. 281, л. 37 об. – 38, 95; Там же, д. 283, л. 862.
- ⁶⁰⁹ Там же, ф. 18, оп. 3, д. 7, л. 85, 86.
- ⁶¹⁰ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 271; Там же, ф. 59, оп. 4, д. 179. – 5 л.
- ⁶¹¹ Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 215, л. 8-14. – № 108 и № 110.
- ⁶¹² Там же, ф. 37, оп. 3, д. 199, л. 40.
- ⁶¹³ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 288, л. 193.
- ⁶¹⁴ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 532. – 21 л.
- ⁶¹⁵ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 288, л. 5-6.
- ⁶¹⁶ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 281, л. 95; Там же, д. 283, л. 862.
- ⁶¹⁷ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 668. – 505 л.
- ⁶¹⁸ Там же, оп. 2, д. 195. – 93 л.; Там же, оп. 1, д. 1405. – 319 л.
- ⁶¹⁹ Там же, ф. 4, оп. 8, д. 942, л. 29 об. – № 79; К. Висковский. Путеводитель по городу Одессе. – Одесса, 1875, с. 75.
- ⁶²⁰ Список домам и прочим строениям в 1-й части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., Б. г., с. 10.

